

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI 10.25991/AE.2019.80.18.013

УДК 821.161.1

А. Ю. Большакова

Большакова Алла Юрьевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела древнеславянских литератур, Институт мировой литературы Российской Академии наук (ИМЛИ РАН),
allabolshakova@mail.ru

АРХЕТИП РАСКОЛА: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

Статья посвящена особенностям художественной индивидуализации архетипа в русской литературе. Рассматривается проблема литературного архетипа, возникновение которого в середине XVII в. связано с церковным расколом, переросшим в раскол общенациональный и его значения в решении задачи исторических и литературных архетипов. Лики русского раскола рассмотрены на примере творчества В. Личутина, в романах которого эта архетипическая линия изображена от времен Средневековья до современности. Особое внимание уделено его историческому роману «Раскол», посвященному никонианским реформам XVII в. и их последствиям для национальной личности и русской души. Также предметом статьи впервые становится новый роман писателя «В ожидании Бога», посвященный цивилизационному расколу в последние десятилетия XX в.

Ключевые слова: литературный архетип, Раскол, Средневековье, современная проза.

A. Yu. Bolshakova

The Archetype of the Split: from Middle Ages to the Present Time

The article is devoted to peculiarities of the artistic individualization of archetype in the Russian literature. The author considers a problem of the literary archetype and its meaning for the national self-knowledge. At the center of this work is a study of a leading historical and literary archetype, the emergence of which in the middle of the XVII century is associated with the Church schism which has turned into a Split nationwide. Various images of the Russian Split are considered on the base of prose of V. Lichutin whose novels depict this archetypal development from the middle Ages to the present times. A special attention is paid to his historical novel «The Split» dedicated to the Nikonian reforms in the XVII century and their consequences for the nation and the Russian soul. Also the subject of this article is a new novel by the writer: «In Anticipation of God» dedicated to the civilizational Split in the last decades of the XX century.

Key words: literary archetype, Split, middle Ages, modern prose.

Русской литературе свойственно мышление теми извечными, внутренне противоречивыми константами, которые лежат в основе всех исторических и социокультурных изменений. Нынешний литературный процесс не составляет исключения. Однако среди его ведущих представителей — таких, как Б. Евсеев, Ю. Козлов, Ю. Поляков, З. Прилепин, С. Шаргунов и др., — выделяется Владимир Личутин: писатель с редким даром глубинной культурной памяти. Его творчество отличает наибольшая развернутость к архетипам национального бессознательного, а художественный поиск направлен на первичные события, определившие на столетия движение русской истории и образ национального мировосприятия. Основу архетипа составляет его первоначальное значение: «след от удара, потрясения». Таким потрясением был в русской истории Раскол XVII в., сущность и разноликие проявления которого получают художественное осмысление во всем личутинском творчестве — от исторических романов «Раскол» и «Скитальцы» до романов о со-

временности: «Миледи Ротман», «Беглец из рая», «В ожидании Бога».

Архетипы современной литературы

В романах В. Личутина, А. Проханова («Время золотое»), З. Прилепина («Санька», «Обитель»), С. Шаргунова («1993: семейный портрет на фоне горящего дома») и др. создается идейно-эстетическое напряжение между полюсами бинарных архетипов: Раскол (от церковного раскола до последующих революций и войн) и Мир, Город и Деревня (былой зеленый рай цивилизации), Бегство и Вечное возвращение (рай утраченный — рай возвращенный), Воля (странничество, скитальчество) и Неволя (плен, тюрьма, репрессии). Все это, впрочем, отвечает усилившемуся ныне стремлению к постижению национального менталитета и его составляющих (национального характера, идеи, идентичности) через глубинные архетипы: базовые мировоззрен-

ческие установки, укорененные в коллективном бессознательном нации и определяющие самодвижение народной жизни — наперекор навязываемым «сверху» догмам и нормативам.

«Архетип» тогда выступает не как абстрактная величина, предмет отвлеченного теоретизирования, но — воплощение «коллективного опыта народа» [7, с. 2] — не всегда, впрочем, однозначно позитивного: исполненного противоречий, порой открыто трагичного, как в случае с архетипом Раскола. Именно такое значение «архетипа» определяет все нарастающее внимание к нему в нынешний переходный период, тогда как во внешне стабильные 1960–80-е исследований в данной сфере практически не проводилось. Всплеск интереса к «архетипам» — не только их познанию, но и преодолению — вызван и кризисностью общенациональной идентичности, поисками путей ее восстановления. Все эти тенденции отчетливо обнаруживают себя в литературном архетипе Раскола, наложившем неизгладимый отпечаток и на историю XX в., и на национальную личность, и судьбы России.

С точки зрения Личутина, запечатленной им в литературном исследовании не только церковного — общенационального раскола XVII в. (я имею в виду его монументальный роман в трех книгах «Раскол» (1984–1997), удостоенный в 2011 г. Государственной премии Правительства РФ), основная линия разрыва с той поры проходит между насильственным реформированием, к которому ни власти, ни народ не готовы, и — саморазвитием национальной жизни. Такое состояние раскола российской действительности на внешние формы и «нутряное», органичное ее саморазвитие сохраняется вплоть до настоящего времени, представляя собой постоянный исток общенационального брожения умов, беспокойства и нестабильности. Но и залог постоянного движения, развития России — в преодолении и внешних обстоятельств, и самой себя.

Один из главных героев личутинского «Раскола», неистовый ревнитель веры и древлеотеческих устоев протопоп Аввакум, мучительно размышляет об этой странной особенности русского пути, наложившей еще со времен Средневековья драматический отпечаток на судьбы национальной личности и страны:

«...Какой разлад в душе, какая негласица и нестроение, какая сумятица чувств: вот подкралась из валежника подпенья змея и ужалила под самый вздох. Что же это такое? как жить дале? коли не в истинного бога веровали, а в поддельного, не так кланялись и неподобно крестились? и древние отцы церкви и святители Стоглавого собора, и великие князья и государи, и воины и смерды непотребно осеняли себя именем Христа? <...>

...Нет и нет! — сразу все запротестовало в Аввакуме...» [3, с. 260. Выделено мною. — А. Б.].

Реформа русской церкви середины XVII в. изменила обряды и каноны — кажется, затронула лишь

форму. Но по сути — затронула первообраз вероисповедания, составлявший сердце национальной жизни, и потому вышла далеко за границы сугубо церковного мира. Отсюда — столь яростное сопротивление противников безжалостных реформ. Всякий первообраз (или архетип — в данном случае религиозный) обладает способностью наращивать, в процессе исторического развития, свой культурный ареал (начиная с именового), который становится неотъемлемой его частью. В данном случае религиозный архетип постепенно обрастал ритуальными формами, каноническими моделями развития, и попытки его модификации, этот ареал разрушавшие, неминуемо вызвали катастрофические последствия. Наступил общенациональный Раскол...

«...Тогда явился раскол и возопил: “Антихрист!” Кровь старой народной России полилась рекою. И с тех пор раскол плачет и плачет о мирском смущении, о расстройстве мира, земстве, о великорусской старине...» [4 с. 447. Выделено мною. — А. Б.].

Со времен никонианских реформ и их завершения царем Алексеем Романовым с помощью иноземных (лже)патриархов началось «разделение русского народа, соответственно расколу русской Церкви, на две части — православных (старообрядцы называют их никонианами) и старообрядцев (многие из них называют себя староверами...). С течением времени... эти две части русского народа все более обособлялись друг от друга, все менее взаимовлияли... Это “раздвоение” (само по себе — трагедия, как было бы (и бывало) и в любой другой стране), в свою очередь, сыграло свою трагическую роль во многих событиях начала XX в.» [1, с. 304] — и далее, добавим мы.

Таким образом, вызванный никонианской реформой русской церкви Раскол и его последствия никак нельзя отнести к разряду архаики, представляющей интерес лишь для исследователей отечественной старины. Творчество Личутина, в котором прочерчивается линия Раскола от времен Аввакума и Никона до самой ни на есть жгучей современности, — лучшее тому подтверждение. В мировоззренческой системе Личутина Раскол выступает как трагическая болезнь национального древа жизни, что издревле подтачивает корни и жизнотворные силы могучего богатыря. На протяжении его творчества повторяется тревожный лейтмотив:

Всякое царствие, разделившись, опустеет. И всякий дом (читай: дом — Россия, семья — народ), ополовиненный, не устоит...

В данном случае художественная мысль конца XX в. — начала XXI в. явно опередила научную. Хотя сейчас о значении *Раскола* начинают говорить и историки, отмечая неизученность вопроса о влиянии событий XVII в. на основные вехи российской истории и оценивая теперь Раскол не как «удел мелких групп, обреченных обитать в условиях этнографического чулана, а масштабное явление со-

всем не маргинального характера» [6, с. 5–6. Выделено мною. — А. Б.].

Раскол и современность

В романах современных прозаиков отражается сущностная особенность русского Раскола — движение через национальное самоотрицание, самоотторжение, разрушение вековых традиций и стоявшего образа жизни. Исток Раскола, со времен никонианских реформ и старообрядческого противодействия им в XVII веке, — кризис Веры и отторжение ее прежнего Образа: явление, вызвавшее расколы нации и в 1917 г., и в 1991–93 гг. Человек покушается на традицию, на веру и образ жизни предков и — разрывает жизненную цепь, опрокидывает миропорядок!

Об этом — не только исторические романы Личутина «Раскол» — о церковной реформе XVII в., переросшей в раскол общенациональный и «Скитальцы» — о его последствиях в XIX в., но и роман «Миледи Ротман» — об утрате национальной идентичности в период перестройки и кризисных 1990-х, и роман о последних ельцинских временах «Беглец из рая», где, как и в «Расколе», показано, что после государственной смуты наступает «смута на сердце», и новый роман Личутина «В ожидании Бога» (2011–16) о судьбах творческой интеллигенции на историческом сломе 1970–90-х, когда одна цивилизация (советская) завершается, а новая еще не сложилась. В результате воцаряется всеобщий хаос, метания людские, непонимание ни исторической ситуации, ни Бога, который скрыт где-то в абсолюте, далеко от земли и людских нужд. Остается лишь надежда, которую и вселяет название романа...

Так современной прозой намечается линия Раскола от Средневековья до современности и единая точка притяжения русского ума. Не только в политических романах А. Проханова, но еще в исторической эпопее Личутина о староверах возникает образ Кремля-Верха как предмет честолюбивых мечтаний исторических героев (от патриарха Никона в «Расколе» до, скажем, противоборствующих кандидатов в президенты в прохановском «Времени золотом»): «Это и был Верх, куда *стремился всякий русский*, чтобы глянуть хоть одним глазком» [3, с. 110. Выделено мною. — А. Б.]. С другой стороны, именно в такой иерархизации национального сознания таится первоначальный раскол — на Бога и человека, небо и «грешную», «несовершенную» землю, верховную власть и «низшую» жизнь простых людей: по отношению к тому все остальные исторические расколы — производные. В преодолении этой изначальности и родилась мечта о богочеловеке, обернувшаяся — в честолюбивых устремлениях патриарха Никона, отца церковных реформ 1650-х, — человекобожием, обольщением богоподобием: по его заблуждению, «сам патриарх — это воплощенный образ Христа» [3, с. 247]. Создается

проекция на ряды тиранов XX в., озабоченных культивированием своего (человекобожеского) образа, растиражированного в памятниках, портретах и прочих ритуальных предметах политического вероисповедания.

Раскол в романах Проханова, Прилепина, Шаргунова предстает как общенациональная катастрофа, кровавая тень которой легла на XX в. с его братоубийственными распрями, гражданской войной, репрессиями. Именно в этом свете — на путях к искомой социоисторической, политической гармонии — осмысливается и феномен (народного) бунта, революции, не раз использованный для захвата власти и манипулирования массами.

Поиск «Верха», иномирия, «инога Бога» определяет раскол русского самосознания в XVII–XX вв. на «здесь» и «там» (будь то «несовершенное» настоящее, устремленное в заповедную область «светлого будущего»); «верх» (корпоративную правящую верхушку) и «низ» (т. е. пресловутые «низы», «мась», до которых низведен верхами «покорный им народ»). В «Расколе» многие герои, однако, рассматривают эту тягу к иномирию как заблуждение инаковостью: так, церковная реформа происходит из-за переориентации на образцы греческой церкви, уже приходящей в упадок под турецким владычеством. Тогда причина несчастий России видится автором романа в увлечении «чужим», в отступлении от русскости и рассеянии ее высоких образцов, уступивших «наследственное место “нищим”, убогим, юродивым и блаженным, горбатым и расслабленным» [3, с. 80].

Другой лик Раскола, коренящийся во властолюбии и честолюбии, отражается в междуособных распрях — кровавых и бессмысленных, издавна истощавших русскую землю. Пафосом преодоления губящей Россию междуособицы, осужденной еще «Словом о полку Игореве», проникнута в «Расколе» сцена примирения патриарха Никона и старца Григория, «нераскаявшегося строптивца», на которого вдруг нисходит откровение добротолубия: «Гут и Григория вдруг пронзило, и он пролился слезами, кляня себя за дерзости и гордыню... И он искренне зажалел о долгой бесполезной распре, плевелы коей уже стали прорастать на окраинах земли Русской» [4, с. 86].

Раскол предстает тогда как антирусский феномен, кровавая тень которого легла на XX столетие с его братоубийственными распрями, гражданской войной, репрессиями и преследованиями «инакомыслящих» в их бессильной борьбе против властей. Именно в этом свете — на путях к искомой социоисторической, политической гармонии и примирению — осмысливается и концепт (народного) бунта, революции, поднятый на щит большевистской пропагандой и умело использованный для захвата власти и манипулирования массами в начале прошлого столетия. В романном отступлении «Из хроники» о распрях начала XVII в., что предшествовали церковному расколу и во многом его обусло-

вили (породив историческое сомнение в идее русскости), легендарное разинское восстание осмысливается как «горе-злосчастие».

«...Тогда и вспыхнули бунты городовые, угрожавшие новой рознью, и земские люди учинились сильны и непослушны государю (начавшему править лишь по своей воле, а не по народным земско-областным челобитным. — А. Б.); тогда явился Стенька Разин и пошел против царя Алексея Михайловича и против князей, бояр и воевод, и всех приказных людей; тогда явился раскол и возопил: “Антихрист!” Кровь старой народной России полилась рекою. *И с тех пор раскол плачет и плачет о мирском смущении, о расстройстве мира, земстве, о великорусской старине...*» [4, с. 447. Выделено мною. — А. Б.]

Тем не менее личутинская оценка лишена однозначности, о чем свидетельствует его во многом возвышенное изображение Никона, как тоже своего рода страдальца за веру, осужденного и лишённого патриаршества тем же самым Собором, который осудил старообрядчество. Зачисляя Никона в десятку выдающихся русских личностей, Личутин тем не менее видит пагубные результаты его реформаторства в том, что он нарушил не только ход, заповедную жизнь Церкви, — изменил саму Церковь. И суть здесь, по мнению автора «Раскола», высказанном им в дискуссии «Страсти по Никону» (2005), не в переписи книг, не в изменении обряда, формы. Ведь он задел главную заповедь христианина, то, на чем и стоит Церковь, — если прежде она существовала для народа, то после Никона и Петра уже народ стал для Церкви.

Раскол после раскола

Особенность личутинских героев — в постоянном поиске духовном. Поиске Веры, Бога, Мира в себе и в мире. В новом романе В. Личутина «В ожидании Бога» о России в последние десятилетия XX в. абсурдность истории и мира оборачивается абсурдностью человеческих мечтаний и чаяний. В особенности остро и трагично это чувствуют в романе люди с художническим даром, склонные к эстетическому переживанию действительности и отзывающиеся стократно на несправедливость этого бытия, на хаос истории и унижение человеческой личности. Таковы писатель Николай Янин, художники Алмазов (Горыня), Юрий Рахманов, Степан Юдин, Иван Таранин (Пиросмани) и др. Поиски Бога — после десятилетий искоренения православия в России — сложны и непредсказуемы: ведь люди не знают, к какому именно Божеству прийти. Кто-то идет к Мамоне, кто-то — к нынешнему аналогу языческих божеств, кто-то становится откровенным фетишистом, кто-то сектантом детей игровых. Как и в эклектичной действительности, единства нет и во внутреннем мире заблудшего, потерявшего путь истинный человека. И всё же...

Вслед за своим другом-художником, отдающим все силы на строительство сельской церкви, писатель Янин по прозвищу Царь размышляет о смысле Веры для русского человека: «Всё чаще поминаю Бога; вдруг выяснилось, что без Бога, наверное, не могу, временами так сиротливо и тяжело, и нет державы на земле, чтобы опереться, так всё жидко, трухло, опасно вязко, и потому Он сам на уста просится» [2, с. 571].

С убедительностью подлинного мастера слова Личутин доказывает, что не кризисная экономика или политическая ситуация (как нам внушалось со страниц прессы), а душа человеческая в ее неизъяснимой сложности — точнее, кризисное состояние русской души, девальвация национальной личности — стали причиной нового Раскола и цивилизационного слома на рубеже веков. Было сыто — стало душно: нации стало не хватать духовного воздуха, страна превратилась во всеобщий пир во время чумы. Это кредо писателя получает художественную индивидуализацию в его новом романе и — по мере смены частей, каждая из которых посвящена определенному историческому периоду в жизни героев и страны, — раскрывается, проводя читателя через сциллы и харибды многоликой и изменчивой русской истории на сломе XX–XXI столетий.

* * *

Таковы лики Раскола после Раскола, отражающие стихийное саморазвитие народной жизни и личности... Сущность Раскола как национального архетипа, сформировавшегося в середине XVII в. и не прекращающего свое действие до сих пор, заключается, главное, — в порожденном им развороте народной души к самоотрицанию, самоотторжению. Эта гибельная тенденция приведет к трагическим последствиям еще не раз, если не будет принято мер по укреплению национальной гордости, возрождению самосознания русских!

Но есть и еще одна сторона, и заключается она в особенностях русской души неизъяснимой. Закон ее развития сформулировал Личутин в очерке о чутком певце земли нашей, Николае Рубцове, предчувствовавшем судьбу свою и общенародную:

«Нечем жить и незачем жить — главная причина национального умирания; не недостатки денежные, не скудость хлеба насущного и прохудившиеся крыши, — но *утрата идеала*, коварно похищенного и пожранного “саранчой” нового времени... Главная борьба нынче не за “хлеб наш насущный”, а за душу христианскую, ибо слишком близко подпущен к ней бес в его льстивом и умильном обличье...» [5, С. 189–190. Выделено мною. — А. Б.]

Исторический роман «Раскол» тогда видится как произведение об *Идеале* и его несоответствии исторической реальности. О мучительных, трагических попытках исторических героев своим духов-

ным подвигом и деяниями восстановить утраченную гармонию, *привести историю в соответствие с духовными потребностями нации и русской мечтой в ее православном измерении.*

И основная линия *Раскола* во всех личутинских романах и повестях проходит между *идеальными* устремлениями героев и — разрушительной реальностью. Именно к *Идеалу* направлены помыслы всех главных личутинских героев, но только представления о нем разнятся. Так, в «Расколе» для староверов — неистового протопопа Аввакума, строптивой и смиренной боярыни Морозовой и ее сестры, самоотверженного юрода Феодора Мезенца — это идеал вероисповедания в его традиционной подлинности, это приведение духовной жизни страны и канонов ее религиозного развития в соответствие с подлинностью Веры, первообразом Господа нашего.

Для патриарха Никона, царя Алексея Романова и их единомышленников — это приведение действующих на Руси того времени религиозных обрядов и норм в соответствие с греческими образцами как исконными, но не в меру, по их мнению, измененными в процессе национальной адаптации. Их идеал — укрепление таким путем своей роли в мире, превращение подвластного им государства в Третий Рим, новый Иерусалим. Но поскольку путь этот лежит через насильственное реформаторство без учета национальной специфики, через безголовое отторжение прошлого и ломку национальной личности, то гибельность его для страны и народной души очевидна. Наиболее страшно здесь то, что такая политика создала гибельную модель реформаторства — на века исторического движения России!

В целом литературный архетип Раскола ныне обретает общецивилизационное звучание. Слышащиеся в этом звучании трагические ноты рождают у читателя мысли об углубляющемся расколе на прошлое и настоящее, о вымирании коренного, исконного и замене его на театральные декорации, временные формы; о всё ширящемся разрыве между городом и деревней; о расколе на хаос повседневности, низкую бытовую культуру и гармонию подлинной духовности, высокую культуру; и, наконец, о превращении исконной для России земледельческой (естественно-природной) системы жизнедеятельности в антисистему сбоев нынешней цивилизации.

Литература

1. Крамер А. В. Раскол русской церкви в середине XVII века. — СПб.: Алетейя, 2011. — 368 с.
2. Личутин В. В. В ожидании Бога: роман / Собрание сочинений в 14 т. — М.: ООО «Издательский дом “Вече”», 2017. — 752 с.
3. Личутин В. В. Раскол: Исторический роман в 3 кн. Кн. I. Венчание на царство / Собрание сочинений в 14 т. — М.: ООО «Издательский дом “Вече”», 2017. — 416 с.
4. Личутин В. В. Раскол: Исторический роман в 3 кн. Кн. II. Крестный путь / Собрание сочинений в 14 т. — М.: ООО «Издательский дом “Вече”», 2018. — 608 с.
5. Личутин В. В. Уроки русского. — Подольск: Академия XXI, 2014. — 304 с.
6. Пыжиков А. В. Грани русского раскола: заметки о нашей истории от XVII в. до 1917 г. — М.: Древлехранилище, 2013. — 646 с.
7. Myths and Motifs in Literature. Ed. D. J. Barrows, F. R. Lapidés, J. T. Shaweross. — N.Y.: Free Press, 1973. — 496 с.